

Композиторы ароматов. Легендарные парфюмеры XX и XXI веков и их лучшие произведения

Автор:

Елена Селестин

Композиторы ароматов. Легендарные парфюмеры XX и XXI веков и их лучшие произведения

Елена Селестин

Тот самый парфюм. Книжки для парфюмерных маньяков

Парфюмеры часто сравнивают свою работу с написанием музыки: мелодии ароматов, как и музыка, отражают время и украшают повседневность. Эта книга рассказывает о знаменитых «композиторах ароматов» прошлого и настоящего, создавших неповторимые парфюмерные симфонии, которые «звучат» и по сей день.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Елена Селестин

Композиторы ароматов

Легендарные парфюмеры XX и XXI веков и их лучшие произведения

Иллюстрации: Марина Мак

Верстка и дизайн обложки: Ирина Картвелишвили

Благодарим Ольгу Аминову за участие в издании книги Селестин, Елена.

Серия «Тот самый парфюм. Книги для парфюмерных маньяков»

© Елена Селестин, текст, 2021

© Мак М. Д., иллюстрации, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Вступление

Нужно ли что-то знать о парфюмерах, добавляет ли это красок в восприятие духов? Жан-Клод Эллена, один из самых востребованных и талантливых «носов» современности, считает: «Чтобы оценить аромат, нужно понимать контекст времени, когда его создавали. И, если возможно, контекст личности, его создавшей».

О выдающихся парфюмерах стоит узнать больше хотя бы потому, что отрасль, в которой они трудятся, за последние сто с небольшим лет стала важной частью нашей повседневной жизни и культуры. Например, за период с 1995 по 2015 год потребление парфюмерии в мире возросло в 30 раз!

Почти у каждого человека есть воспоминание или история, связанные с флаконом духов. Однако, рассуждая о парфюме, мы чаще имеем в виду наше восприятие аромата, его название, фирму, рекламный образ и почти никогда не говорим о парфюмере. Как сказала в одном интервью парфюмер Патрисия де Николаи: «Например, когда был выпущен Orium, публика была уверена, что их создал месье Ив Сен-Лоран». Это несправедливо! У аромата есть автор.

Так кто же они, какие они – парфюмеры?

Это люди утонченные, чувствительные и благородные, поскольку сочинение ароматов – высокое и сложное искусство. Парфюмеры часто сравнивают свою работу с написанием музыки: мелодии ароматов, как и музыка, отражают время и украшают повседневность. Волны парфюма радуют, наполняют эмоциями, вдохновляют... и исчезают, подобно звукам. «Это необъяснимое и главное в духах и есть то, что высококлассная французская парфюмерия называет «неуловимость духов», – написал парфюмер Константин Веригин. Некоторые парфюмеры готовились стать профессиональными музыкантами, играли на музыкальных инструментах, многие из них не мыслят своей жизни без прекрасной музыки.

Сочинители ароматных композиций хорошо владеют словом. Эдмон Рудницка, Ги Робер, Константин Веригин, Жан-Клод Эллена написали книги. Серж Лютанс заявил, что теперь хочет быть только литератором – и никем больше. Как можно это объяснить? Возможно, обоняние каким-то особенным образом связано с речевым центром. Или дело в том, что парфюмеры привыкли прислушиваться к оттенкам эмоций, размышлять над ними? Выражать свои ощущения им приходится иносказательно, метафорично, ведь парфюм – это нечто воздушно-абстрактное. Получается, что парфюмер, представляя или описывая будущий аромат, объясняя свои ощущения хотя бы самому себе, – становится поэтом.

Тщательный подбор метафор, образов при описании ароматов необходим и потому, что словарь обонятельных ощущений трагически беден. Еще Аристотель в IV веке до нашей эры отметил, что «в силу того, что запахи различимы не так отчетливо, как ощущаемое на вкус, они заимствовали у последнего свои названия по сходству вещей. Так, сладкий запах получил свое название от шафрана и меда, едкий – от тимьяна и других подобных веществ. Равным образом обстоит дело и с другими запахами». Добавим, что кроме «словаря еды» в современной парфюмерии часто употребляются музыкальные термины и сравнения: «ноты» парфюмерных композиций, гармоничные и дисгармоничные «аккорды». Мы даже говорим, что «слушаем» аромат. Неудивительно, что парфюмеры называют себя «композиторами ароматов», – они действительно сочиняют гармоничные или диссонансные мелодии или целые симфонии, используя пахучие вещества, разнообразные «душистости».

За время существования промышленной парфюмерии образ и статус «композитора ароматов» менялся. В конце XIX – начале XX века люди, как

правило, знали фамилии парфюмеров, поскольку часто это был семейный бизнес, предприятие называли по фамилии владельца-парфюмера: например, «Брокер и Ко» (парфюмер Генрих Брокер) в России, Guerlain (парфюмеры Эме и Жак Герлен) и Coty (парфюмер Франсуа Коти) во Франции. Изменения произошли, когда парфюмерия начала плотно сотрудничать с Домами моды. Ароматы стали ассоциироваться с яркими образами кутюрье – духи Chanel, духи Ives Saint Laurent, ароматы Dior. Габриэль Шанель, Кристиан Диор и другие модельеры, конечно, лишь выбирали парфюмерные композиции для своих фирм, но не сочиняли их. Однако имена кутюрье, названия Домов моды знали все, – и духи прочно и гармонично «встраивались» в образ бренда.

Одновременно с эрой сотрудничества моды и парфюмерии настало время процветания парфюмерно-химических фабрик, исполняющих заказы разных Домов моды. На фабриках работали, оставаясь безымянными, химики по образованию или просто одаренные «носы». Именно тогда было сказано: «Парфюмер, твое имя – никто». Это фраза Юрия Гутзаца, парфюмера, русского эмигранта, много лет трудившегося на такой фабрике.

Следующий важный шаг в эволюции парфюмерии произошел полвека назад, в конце 70-х – начале 80-х, когда возникли фирмы, рискнувшие развивать не коммерческую, а авторскую, творческую парфюмерию, ее называли «нишевой» или «арт-парфюмерией». Творцы ароматов, создавшие эти фирмы, хотели сочинять композиции по собственному вкусу, без брифа от могущественного заказчика. Первыми стали Le Jardin Retrouve Юрия Гутзаца, L'Artisan Parfumeur Жана Лапорта, фирма Annick Goutal, которую основала Анник Гуталь, и Parfumeur Createur Патрисии де Николаи. Они шли на риск, иногда проигрывали, иногда достигали успеха. Их смелость и желание творить относительно свободно, вероятно, и сохранили тонкое искусство составления ароматов до наших дней, вопреки глобализации и тотальной жажде увеличения прибыли.

В прошлом веке в отрасли произошло еще одно важное событие: появились женщины-парфюмеры. В середине XX века в Париже творила дерзкая Жермен Селье, затем появились Анник Гуталь и Патрисия де Николаи. В США преуспели Джо Катапано и София Гройсман.

В XXI веке в парфюмерии пока сохраняются тенденции предыдущего века: есть огромный выбор духов разных ценовых и качественных категорий, которые выпускают «глобальные» концерны. И существуют более скромные линейки парфюмов фирм небольших, часто названных по имени создателя и главного

парфюмера. Фредерик Маль придумал еще одну модель: он печатает имя парфюмера рядом с названием духов – таким образом, у аромата есть автор. Как во все века был автор у книги, картины или у музыкального произведения.

Нужно добавить, что в этой книге нет глав, посвященных величайшим парфюмерам XX века – Жаку Герлену, Франсуа Коти, Жан-Полю Герлену. О них подробно написано в первой книге этого проекта, «Тот самый парфюм».

Золотой век

Пьер-Франсуа Любэн (1774–1853)

Шлейф революции

Eau de Lubin

Трудно вообразить, сколько энергии разного качества генерирует общество, когда рушатся многовековые устои; я говорю о Французской революции. Тридцать или больше поколений французов жили по заведенному обычаю – и вот все сметено, казнили королевскую семью. Но небо не обрушилось.

Как пишут историки, после окончания террора и установления относительного спокойствия во время Директории Париж был полон жаждой жизни! Обществу необходимо было как-то «работать с травмой» после роковых перемен: люди вдруг начали отчаянно... наряжаться. Больше не надо было притворяться бедным и незаметным, заворачиваться в мешковину и пачкать лицо, чтобы сохранить голову на плечах, – как в те времена, когда революция крушила своих детей и всех, кто оказывался рядом.

В этом опьянении выживших возникли две тенденции. Новые граждане, из тех, кто посообразительнее и понахальнее, предали роскоши; появились «новые богатые» – «нувориши». Уцелевшие аристократы, естественно, не желали смешиваться с этими вульгарными людьми. Убедившись на собственном опыте, что жизнь – опасный театр, дворяне по-своему стали эпатировать публику: они надели обтягивающие штаны, начинающиеся под мышками, короткие сюртуки с горбом на спине, уродливые шляпы. Носили волосы, выстриженные на затылке, как у приговоренного к гильотине, лорнеты величиной с блюдце на животе, сучковатые палки вместо шпаг, которые у них отобрали. Этих панков конца восемнадцатого века в Париже прозвали Incroyables, «энкроябли». Словечко Incroyable! – «невероятно!» – было их любимым, но в пику революционерам они произносили его, игнорируя букву «р», – «энкоябль!». Их подруг, столь же странных, называли Merveilleuses, «мервейёзы» (Les Merveilleuses – «чудесные»). Неформалы «из бывших» устраивали «балы жертв», куда допускались только родственники дворян, казненных во время террора. Там танцевали в темноте, изображали казни, девушки повязывали на шею алую ленту, выглядевшую как кровавый след от гильотины. Да, грамотных психотерапевтов не хватало.

Развлекались и наряжались по-разному, а вот душистыми водами и ароматными эссенциями вдруг стали активно пользоваться все, с удовольствием присвоив эту королевскую привилегию. Тут и возник первый в истории парфюмер для более широкого, чем прежде, круга клиентов – Пьер-Франсуа Любэн. Он оказался в нужное время в нужном месте и был хорошо подготовлен.

Любэн родился в Париже в 1774 году, в возрасте десяти лет начал учиться у Жан-Луи Фаржона, придворного парфюмера, составлявшего духи для королевы Марии-Антуанетты по старинным и секретным рецептам, с которыми юный Любэн имел возможность во время ученичества познакомиться. Фаржон принадлежал к древней династии парфюмеров из Монпелье, и даже когда осенью 1789 года королева с семьей находилась под домашним арестом в Тюильри, верный Фаржон отправлял ей душистые смеси – а доставлял их (по одной из легенд) его юный ученик Любэн. Королева в заточении продолжала пользоваться водами на основе эссенций бергамота и апельсина, а еще любила духи с ароматом розы, они напоминали ей о любимом саде вокруг дворца Трианон. Фаржон снабжал свою королеву флаконами с драгоценными духами.

В шестнадцать лет Пьер-Франсуа Любэн все же покинул Париж, охваченный революцией, и продолжил профессиональную подготовку в Грассе. Ему удалось поработать в мастерской представителя другой известной семьи парфюмеров –

Томбарелли, их династия происходила из Италии и трудилась в Грассе еще со времен Екатерины Медичи. В свите этой правительницы предок Томбарелли прибыл из Флоренции за 150 лет до Французской революции, и во многом благодаря деятельности семьи Томбарелли Грасс стал центром европейской парфюмерии. В Грассе Пьеру-Франсуа Любэну удалось узнать секреты древних технологий извлечения ароматов из растительного сырья и их закрепления в душистых водах.

В 1798 году Пьер-Франсуа Любэн вернулся и открыл первый магазинчик в Париже на улице, которая сейчас называется улицей Святой Анны. Свой бутик молодой парфюмер назвал «Букет роз», в честь казненной королевы, поклонницы этого цветка. Продажи шли отлично: и тонкие душистые воды, и смелые новые парфюмерные разработки привлекли модников. «Инкроябли» покупали у Любэна мускусные составы – чем ярче, тем лучше, так они устанавливали «ольфактивный барьер», отвечая на социальный террор своеобразным и дерзким ароматным диссидентством. Мускус был любимым ароматом при королевском дворе, так что это было парфюмерное протестное заявление. Этим благоухающим модникам в народе дали еще одно прозвище – «мюскадены»! А для дерзких и кокетливых «мервейёз» у Любэна продавались ленты, надушенные розовой водой, такие же ароматизированные маски и рисовая пудра. Трендсеттеры времен Французской революции разносили ароматы Любэна по модным гостиным возбужденного Парижа, где проводили время в том числе и родственники будущего императора Наполеона Бонапарта.

Считается, что примерно известен состав «Воды Любэна» (Eau de Lubin), популярной в начале XIX века, она включала росный ладан, гвоздику, апельсин, бергамот, лимон, лаванду, нероли, Melissa, герань, мускус и циветту.

Правители во Франции того периода менялись быстро, но дела у Любэна шли прекрасно при всех режимах. Он стал любимым парфюмером императрицы Жозефины Богарне, а также ее невестки, сестры Наполеона Полины. Обе женщины родились в местах, где много цветов и густых ароматов; Жозефина была креолкой, она родилась на экзотическом острове Мартиника, а Полина Бонапарт на Корсике. Некоторые считают, что Жозефина предпочитала аромат фиалок, и есть ее портреты с букетиком этих цветов на корсаже. Другие пишут, что ее комнаты были пропитаны мускусом до такой степени, что спустя сто лет после ее смерти панели и ламбрекены в ее дворце Мальмезон источали тяжелый мускусный аромат. Так что Жозефина тоже была «мюскаденкой».

Ее супруг, Наполеон Бонапарт, «тяжелые» ароматы ненавидел, предпочитая цветочные туалетные воды. Например, ему в военный лагерь литрами доставлялась «Кёльнская вода» (О-де-Колонь), которую изготавливал Жан-Мари Фарина. Император не занимался военными или государственными делами, не оросившись душистыми водами.

Наполеон до такой степени проникся особой ролью парфюмерии, что в августе 1810 года издал указ, официально разделивший парфюмерию и фармакологию. Ради защиты потребителей от шарлатанов производители лекарств должны были раскрыть свои формулы и официально утвердить их перед комиссией парижского Общества медиков. То есть если парфюмер в рекламных целях объявлял свою душистую воду средством от мигрени, паралича, подагры и тяжелых родов, то он должен был обнародовать рецептуру чудесной панацеи перед просвещенной комиссией. Не раскрывать секреты своих составов позволялось только тем, кто регистрировал свою деятельность как «производство ароматов», и многие парфюмеры предпочли этот путь, лишь бы не предавать огласке свои формулы и секреты. Наполеоновский декрет 1810 года впервые разлучил аптеку и парфюмерную лавку, что стало подлинной революцией для отрасли. Хотя не все соблюдали этот декрет: спустя двадцать лет Пьер Франсуа Паскаль Герлен, отец-основатель великого парфюмерного дома, рекламировал свой одеколон как средство от зубной боли, колик и апоплексии, – в общем, нарушал. Но в целом наполеоновский декрет об отделении парфюмерии стал основанием для последующего бурного развития химии душистых веществ: раз это «всего лишь» духи, которые нельзя принимать внутрь, значит, можно смело вводить в их состав синтетические ингредиенты.

В 1815 году Бурбоны вернулись на трон. Во время Реставрации монархии Любэн снова оказался в фаворе, ему оченьгодились опыт и знания, почерпнутые от учителя Фаржона, а также репутация роялиста. Его признали парфюмером, который знает секретные рецепты ароматов королевского двора. И снова Пьер-Франсуа Любэн работал для «первых лиц» государства, его очень ценила Мария-Терезия Французская. Считалось, что во Франции только Любэн способен делать «истинные королевские духи». Правда, герцог Ангулемский, муж Марии-Терезии, зачем-то уговорил парфюмера переименовать его бутик, назвать его «Армия Франции». Наверное, было как-то связано с финансированием.

В 1821 году Любэн становится официальным поставщиком английского короля Георга Четвертого, а в 1823-м – русского царя Александра Первого. Интересно и то, что в 30-е годы XIX века у фирмы Lubin уже были представительства в

Соединенных Штатах: на 14-й улице в Нью-Йорке, а также в Новом Орлеане и Сант-Люисе, где аристократические семьи Старого Юга охотно покупали продукцию Пьера-Франсуа Любэна, «королевского парфюмера». А во время правления последней королевы Франции, Марии Амели де Бурбон, дому Lubin был присвоен официальный титул «Парфюмер французского королевского двора». Впрочем, в июле 1830-го разразилась еще одна революция, в 1848-м третья... Но вне зависимости от режимов, переворотов, революций все граждане Франции хотели пахнуть «по-королевски».

Ничего не известно о личной жизни Любэна или его семье: в то время парфюмеры не были публичными персонами. Похоже, что детей у мастера не было. За 25 лет до конца своей жизни Любэн передал управление фирмой сначала своему компаньону, а затем, в 1844 году, – ученику Феликсу-Андре Про, сыну наполеоновского солдата, который к тому времени, с самого детства, уже 20 лет работал в фирме Lubin под руководством мастера. Выбор наследника оказался удачным: семья Про затем на протяжении пяти поколений прославляла имя Любэна, успешно управляя самым старым парфюмерным домом в Европе – Lubin.

Магия имени парфюмера работает уже больше двухсот лет. Потому что фирма Lubin выпускает духи и в наши дни.

Эрнест Бо (1881–1961)

Эрнест Красивый

N5 Chanel, Soir de Paris Bourjois, Cuir de Russie Chanel

Парфюмер Эрнест Бо (Beaux – «красивый») провел на Первой мировой войне пять лет: сначала воевал во французской армии против немцев, служил лейтенантом артиллерийского полка, затем был направлен в Мурманск с контингентом войск союзников. Судя по полученным им наградам – английский Военный крест,

французский Военный крест и орден Почетного легиона, русский орден Великого князя Владимира, – Эрнест Бо был смелым человеком и поехать ему пришлось всерьез.

В 1920-м он вернулся к профессии, уже во Франции, и обстоятельства сложились благоприятно: Бо удалось создать композицию, которая стала самым известным парфюмерным проектом XX века, – Chanel № 5. Эти духи были настолько успешными, что спровоцировали беспощадную коммерческую войну, сражение между инвесторами (братья Вертхаймеры) и мадемуазель Шанель.

Участвовал ли парфюмер, автор духов, в этих финансовых битвах?

Эрнест Бо родился в 1881 году в Москве на Суцевском валу, в семье управляющего парфюмерной фабрикой Rallet Эдуарда Ипполита Бо и его второй жены Августины Мари Миссфельд. Есть легенда, что дед Эдуарда Бо был наполеоновским солдатом, который остался в России и поступил в артисты. Правда это или нет, неизвестно – отец парфюмера, Эдуард Бо, местом рождения указывал французский город Лилль. В этом городе, судя по карте распространения французских фамилий, жило несколько таких «красивых» семейств с фамилией «Бо».

Эрнест Бо был старшим сыном Эдуарда от второго брака отца, в семье было еще 11 детей. Сводного старшего брата от отцовского первого брака тоже звали Эдуардом, как отца, и он тоже работал в парфюмерной промышленности.

Эрнест Эдуардович Бо начал осваивать профессию в Москве, изучал производство мыла. Затем он стажировался в Грассе. Дело в том, что московская фабрика Rallet принадлежала французской парфюмерной компании Chiris de Grass (владелец – Леон Шириз). В Москве наставником Эрнеста Бо был бельгиец Адольф Лемерсье.

«С 1902 года наш технический директор Лемерсье стал обучать меня парфюмерному искусству. С радостью воздаю я ему дань глубокого почитания за его артистизм и блестящие технические навыки. Все в нем было оригинально, начиная с его манеры жить и одеваться. Это был великий новатор, никогда не соглашавшийся следовать привычным меркам и отчетливо предвидевший все новое, что химия и производство натуральных продуктов внесут в парфюмерию, содействуя ее расцвету», – написал Бо в воспоминаниях.

В интервью французскому журналу *Industrie de la parfumerie* («Парфюмерная промышленность») в 1946 году Эрнест Бо рассказал об источниках вдохновения: «...Для меня это были, наряду с французскими писателями и поэтами, – поэзия Пушкина, произведения Тургенева, Достоевского, музыка Бетховена, Дебюсси, Бородина, Мусоргского. Императорский балет. Французская школа живописи и великие русские живописцы – Серов, Левитан, Репин, многие другие...»

К тридцати годам Эрнест Бо создал свои первые успешные композиции. В 1912 году фабрикой *Rallet* были выпущены духи «Букет Наполеона» с цветочным ароматом и затем – «Букет Екатерины», цветочно-альдегидный. В том же году Эрнест Бо женился на Ираиде де Шоенайх, у них родился сын Эдуард.

Затем молодой парфюмер, муж и отец попал на войну, на долгие пять лет. В силу происхождения он был гражданином Франции и поэтому был мобилизован в армию своей страны, служил лейтенантом в 102-м полку тяжелой артиллерии, воевал против Германии. А когда в 1918 году для многих французских солдат и офицеров война закончилась, его направили в порт Мурманск. Эрнест Бо никогда не рассказывал о том, чем занимался там, но логично предположить, что он был откомандирован в Карелию благодаря знанию русского языка.

Военные историки пишут, что приглашение союзников в начале 1918 года для защиты северного побережья исходило от Мурманского Совета рабочих, который согласовал это приглашение с Троцким и получил его одобрение. В январе и начале февраля 1918-го германские войска быстро продвигались в Прибалтике и высадились на территории Финляндии, создавалась реальная угроза захвата Мурманска, а Мурман (бывший порт Романов) был единственным незамерзающим портом – ныне это город-порт Мурманск. Там располагались огромные склады военных припасов, которые поставляли царской России союзники, англичане и французы, в течение Первой мировой войны. Не желая терять эти склады, Троцкий решил принять помощь союзников и 1 марта 1918 года подписал указ, после которого в Мурманске высадились первые отряды англичан и французов. Ситуация на Кольском полуострове накалялась, ее оценка всеми участвующими сторонами менялась раза два в месяц. Большевики и Красная Армия набирали силу; Белая гвардия, английские, французские, американские, сербские, немецкие, финские войска (финны «красные» и «белофинны») сражались с местным населением и друг с другом. Неизвестно, существуют ли документы, подтверждающие, что Эрнест Бо был комендантом лагеря для военнопленных. Но не надо забывать, что в 1918 году никто не знал, кого следует считать врагом, кого союзником. Например, члены Мурманского Совета рабочих (!) были

расстреляны по личному приказу Ленина. Иностранцы, англичане и французы, пройдя мировую войну, страшно устали и не понимали, за какие идеалы и в чьих интересах они должны сражаться на Кольском, в диком холоде. Естественно, они хотели вернуться домой, а не мерзнуть с риском для жизни за полярным кругом, – этим и вызвана кратковременность поддержки Антантой Белого движения.

Для нас важно другое: лейтенант Эрнест Бо, оказавшись среди северной природы, получил уникальное впечатление и, как любой талантливый человек, жаждал перевести это потрясение на язык искусства, которым владел. «Часть моей военной службы прошла на Севере, за полярным кругом. Во время летнего полярного дня озера здесь излучают особую свежесть. Этот характерный запах я сохранил в памяти, и после с большим трудом мне удалось воссоздать его, хотя поначалу альдегиды новой композиции были очень неустойчивы».

Трудно представить, сколько знаний, усилий и терпения нужно парфюмеру, чтобы сформулировать гармоничное послание, которое будет востребовано миллионами людей в течение ста лет; я имею в виду уникальные духи Chanel № 5. Возможно, – как и в других сферах искусства, – для этого нужно было, чтобы его чувства были обострены. Понадобились испытания, одиночество и даже страдание. Нужна была и жажда работы, потребность в выражении эмоций после вынужденного перерыва в творчестве. И еще – необходимы счастливые совпадения, обязательно.

Все это случилось с Эрнестом Бо. Во Франции его ждала любимая работа: лаборатория Rallet при фабрике Chiris в Грассе. Эрнест Бо возобновил опыты с сочетаниями натуральных эссенций и новых искусственных компонентов на базе цветочно-альдегидной формулы духов, называемых Rallet № 1 (считается, что формула была модификацией его духов «Букет Екатерины»). Одновременно парфюмера настигла личная драма: жена Эрнеста Эдуардовича Ираида бежала с сыном из Советской России через Финляндию и во время опасного путешествия встретила и полюбила другого. Вернувшийся с войны лейтенант-парфюмер остался один, вся его прошлая жизнь была разрушена. И он погрузился в работу.

Именно в это время, в конце лета 1920 года, мадемуазель Шанель задумала заказать небольшую партию духов для своих лучших клиенток к Рождеству.

Рождение духов Chanel № 5 окружено легендами. По словам парфюмера Анри Робера, чей отец Жозеф в двадцатые годы руководил лабораторией Chiris,

мадемуазель в старости верила, что это она вдохновила парфюмера на создание Chanel № 5, или даже – чего уж там – сама придумала эти духи; парфюмер с иронией называет эту версию «фантазийной». Анри Робер также приводит свидетельство тогдашнего директора Rallet – Плено, который познакомился с мадемуазель на Лазурном Берегу и очень хотел внушить ей идею заказать духи в парфюмерной лаборатории, которой сам руководил. Мадемуазель, по словам Плено, была откровенно враждебно настроена к этой идее, но все же согласилась посетить фабрику Rallet, где и ознакомились с парфюмерными опытами Эрнеста Бо. Анри Робер также добавляет (со слов своего отца Жозефа Робера и директора Плено), что мадемуазель заявляла: «Поскольку парфюмеры все копируют, а я хочу уникальные духи, – пусть мои будут настолько дорогими, что их нельзя будет повторить». Она изначально не хотела вкладывать средства «в презентацию», в пышные флакон и коробку, – а только в качество ингредиентов неповторимого (во всех смыслах) аромата.

Есть другие версии: Эрнеста Бо и Габриэль Шанель познакомил великий князь Дмитрий Романов, который был знаком с Эрнестом Бо. Или еще: идею заказать духи Шанель подсказала подруга, сверхактивная муза всего прогрессивного Мися Серт. Все эти версии и нюансы не исключают друг друга, хотя мне кажется, что утверждение о дружбе великого князя и парфюмера – это из области фантазий. С другой стороны, после революции, в эмигрантской среде многое, прежде невозможное, могло случиться.

Важно понять другое: сто флаконов духов для подарков никто не делает «на коленке». Эрнест Бо не разливал духи у себя на кухне. Эта первая партия флаконов для мадемуазель Шанель должна была быть где-то изготовлена, и, скорее всего, этим местом была фабрика Rallet в Грассе.

А что произошло потом? Почему Шанель, осознав, насколько удачны и востребованы духи ее имени, не захотела иметь дело с Rallet дальше, а в 1924 году заключила контракт на производство духов с фирмой Bourjois? Причин могло быть несколько, рассмотрим их в порядке: производство – парфюмер – формула новых духов.

В начале 20-х фирму Rallet у Chiris купил Франсуа Коти. Как поменялись порядки, какие предложения сделали персоналу, уволили ли старых сотрудников или оставили работать – никому не ведомо. Парфюмерное производство очень закрытая отрасль, а Франсуа Коти, как известно, был человеком своеобразным и решительным. К тому же у него была своя фабрика с полным производственным

циклом. Кстати, оценив успех духов Chanel, Коти велел своему штатному парфюмеру сделать аромат «в духе Rallet № 1», и так в 1927 году появился L' Aimant Coty.

Эрнест Бо, вскоре после встречи с Шанель, ушел из Rallet и формулы унес. В своей биографии он упоминает, что его друг Эжен Шарабо предложил ему стать в Париже представителем фирмы Шарабо по продаже душистых веществ. Известно также, что в феврале 1921 года Бо развелся с Ираидой Шоенайх, а 25 ноября 1922 года женился на Ивонн Жиродон, дочери производителя велосипедов (вполне перспективный бизнес в то время). И жених, и невеста в то время проживали в Каннах; он на бульваре Миди, вилла Сант-Анри, она на рю де Реймс. Очевидно, что Эрнесту Бо предстояло строить новую семью, вскоре у пары родилась дочь Мадлен. Бо решительно менял свою жизнь, покинув фирму, с которой его связывало так много: его отец и старший брат работали на Rallet, он сам служил фабрике двадцать пять лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/selestin_elena/kompozitory-aromatov-legendarnye-parfyumery-hh-i-xxi-vekov-i-ih-luchshie-proizvedeniya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)